

Иоанна Делекторская

Гибель Блока в «Мастерстве Гоголя» Андрея Белого

8 августа 1921 г., на следующий день после смерти Блока Андрей Белый зафиксировал в дневнике свой разговор с Ивановым-Разумником:

Тихо, тихо мы вспоминали вчера А. А.: Р. В. сказал: «<...> неужели мы будем теперь чтить его память „вечерами“, „заседаниями“»? Я: «Не представляю: я по крайней мере не могу говорить публично пошлостей вроде того, что мы утратили „великого русского поэта“ и т. д. Для меня Блок — что-то настолько интимно-нежное, что я не могу выступать с посмертными речами и статьями о нем». <...> для нас с Р. В. Блок слишком близок, чтобы о нем устраивали мы словесные поминки. <...> И тут же Р. В. предложил мне с ним вместе приняться за обширную работу о Блоке — работу приготовления материалов воспоминаний о нем, биографии, критических исследований. «Пусть наша память о нем выразится годами труда и работы»... Так и порешили: мы будем справлять память о Блоке, может быть, на протяжении всей жизни нашей¹.

Как известно, в дальнейшей биографии Андрея Белого были и посмертные речи, и статьи о Блоке, и «годы труда» по увековечению его памяти, результатом которых стали три редакции «Воспоминаний о Блоке»², а затем — знаменитая ме-

© Ioanna Delektorskaia, 2011

<http://www.utoronto.ca/itsq>

¹ Андрей Белый. *О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи* / Вступит. ст., сост., подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1997. С. 449.

² Опубл.: Северные дни, сб. П. М., 1922; Записки мечтателей, № 6. Пб., 1922; Эпопея, № 1—4. Берлин, 1922—1923 (№ 1—3 Эпопеи см: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_57.html; http://www.vtoraya-literatura.com/publ_59.html; http://www.vtoraya-literatura.com/publ_60.html).

муарная трилогия Белого («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»)³, где, по словам Д. М. Магомедовой, «едва ли не половина всего текста посвящена посмертному выяснению отношений с Блоком»⁴.

О «блокиане» Белого написано немало. Однако, в фокус внимания исследователей этой темы еще ни разу, насколько мне известно, не попадала, взятая как целостный текст, главка «Гоголь и Блок» из пятой главы монографии Андрея Белого «Мастерство Гоголя» (М., 1934). А между тем, она являет собой хронологически последнее в жизни Белого запечатленное на бумаге свидетельство его непростых взаимоотношений с Блоком.

Содержание указанной главки невозможно адекватно воспринять, лишь опираясь на предшествующие ей страницы «Мастерства Гоголя», без учета корпуса «блоковских» текстов Андрея Белого. Начинается она фразой: «О Блоке — сказ мой недолог: надо лишь подчеркнуть очевидность»⁵. И если первая часть этого предложения легко объяснима: «сказ недолог», так как уже сказано (в частности — в «Воспоминаниях о Блоке») слишком многое, — то с «очевидностью», которую собирается «подчеркнуть» Андрей Белый, дело обстоит не так просто.

Основную точку схожести Блока с Гоголем Белый видит в трансформации у обоих женских образов по нисходящей линии. У Гоголя — от «божества» в отрывке «Женщина», через женщину-ведьму — к «тяжелотелой дуре» Агафье Тихоновне; у Блока — от «Прекрасной Дамы», через «Незнакомку» — к проститутке Катьке из «Двенадцати»⁶.

³ См. об этом, например: Лавров А. В. «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // Андрей Белый. *О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи.* М., 1997.

⁴ Магомедова Д. М. *Автобиографический миф в творчестве Александра Блока.* М., 1997. С. 132.

⁵ Андрей Белый. *Мастерство Гоголя. Исследование.* М.; Л., 1934. С. 294.

⁶ Об особенностях блоковской софийной мистерии и ее истолкования Андреем Белым, в частности — в «Воспоминаниях о Блоке», см.: Рычков А. Л. *Александровская мифологема у младосимволистов // Пути Гермеса: Международный симпозиум.* Материалы симпозиума 14 февраля 2008 года (Москва. ВГБИЛ). М., 2009.

Цепочку образов «Прекрасная Дама» — «Незнакомка» — проститутка автор «Мастерства Гоголя» преподносит читателю как нечто само собой разумеющееся, намеренно не вспоминая о том, что в 1921 году гипотеза о существовании генетической связи между этими образами вызывала у людей, близко знавших Блока, протест, и Белому приходилось в полемике и спорах отстаивать свою концепцию.

29 августа 1921 г. он записал в дневнике: «Вчера было наше заседание („Вольфилы“). <...> Я открыл заседание: сказал вступительное слово. Потом взошел на кафедру и около двух часов говорил (Это после клятвенных обещаний не выступать ни на каких собраниях с речами памяти Блока! — И. Д.). После сделали перерыв. <...> А. А. Кублицкая в перерыве не согласилась со мной в оценке перехода от „Прекрасной Дамы“ к „Незнакомке“, говоря, что сам Саша был против моего истолкования»⁷.

31 августа 1921 г. Белый конспектирует в дневнике свой разговор с поэтессой Надеждой Александровной Павлович:

Н. А. Павлович: «Между прочим, мне казалось, что Вы в вашем слове о А. А. одну ноту взяли неверно; это — нота метаморфозы Прекрасной Видения от „Прекрасной Дамы“ через Незнакомку к Проститутке, между тем как А. А. говорил мне, и это очень-очень важно, уже осенью 1920 года вот что: „Стихи о Прекрасной Даме — это было мне дано; я знаю, что это были откровения, и что это было подлинно: через меня было сказано, но потом все закрылось; я сам не знаю, что это, но это — из верного источника, от которого я сам отошел. Незнакомка есть уже совсем другое, прямо противоположное, темное; в том — голубое, а вокруг этого — пурпурово-серый круг; я знаю, что «12» вытекли из линии «Незнакомки». А вы, как будто, проводили прямую линию эволюции: нисхождения». Я: «Не совсем так... Я, во-первых, мог ошибиться и в характеристике — помните, что это был экспромт, а, во-вторых, скомкать тему, недосказав многого; я знаю, что нет ретуши в моих словах; с ретушью мной сказанное выглядело бы совсем иначе. <...> Прекрасная Дама <...> должна была или рассеяться, <...> или стучаться, плотнеть, свинцоветь, пролиться дождем на землю, стать на земле

⁷ Андрей Белый. *О Блоке*. С. 460. Текст выступления на заседании Вольной философской ассоциации см.: Там же. С. 475—500.

луйей грязи; и испариться — в бездонное; вот этот-то закон ступения и разложения имажинации я и прослеживал, а не превращение инспирирующего импульса в ряд дегенерирующих образов»⁸.

В дальнейшем тема продолжает волновать и Белого, и его окружение, и в записи от 1 сентября 1921 г. читаем:

Возвращаясь с Р. В. Ивановым и Д. М. Пинесом от Блоков, мы говорили о том, прав ли я или нет, рассматривая эволюцию образов поэзии А. А. и включая в один ряд Прекрасную Даму, Незнакомку и т. д. В предисловии к последнему изданию (еще готовящемуся) своих стихов А. А. резко указывает на невозможность проведения такой прямой линии, а в более ранних предисловиях («Мусagetского» издания и издания «Золотого Руна» его «Земля в цвету») говорит вовсе не то: и приводится связь образов «Прекрасной Дамы» с Незнакомкой и Россией. <...> А. А. Кублицкая, показывая мне упомянутое последнее предисловие, сказала <...>: «Если бы вы его прочли, вы не сказали бы того, что сказали». Я ей возразил: «Вероятно, но я продолжал бы даже с А. А. спорить <...>», <...> я прибавил, что готов и отказаться от своего утверждения; просто у меня есть несколько тут гипотез. И все лишь «рабочие»: крепко принципиального ничего нет в плоскости литературной (как антропософ я же знаю одно: *разложение* образа «Прекрасной Дамы» должно было быть по законам духовным: *разложение* или — *сознательное упряднение*, последнее вряд ли было: если бы оно имело место, то А. А. не мог бы не прийти к оккультной школе (йогической, православной или «духовного знания»...)⁹.

В финале «Воспоминаний о Блоке» (предпоследняя глава под названием «„Любовь и Россия“ в третьем томе у Блока») Белый много и подробно как антропософ говорит о *разложении* образа «Прекрасной Дамы». И, судя по всему, за прошедшее после беседы с матерью Блока время в сознании Белого «рабочая» гипотеза превратилась почти в аксиому.

Главка «Гоголь и Блок» «Мастерства Гоголя» в той ее части, где речь идет о метаморфозах образа Прекрасной Дамы, есть не что иное, как продолжение главы о «любви и России» из «Воспоминаний о Блоке». С оговоркой, что Белый выступает

⁸ Там же. С. 467—468.

⁹ Там же. С. 472—473.

здесь уже как *Гоголевед*, и предметом рассмотрения (вопреки сказанному когда-то им же самим Надежде Павлович) становится превращение «инспирирующего импульса в ряд дегенерирующих образов».

Судя по тону главки о Блоке и Гоголе («*надо лишь подчеркнуть очевидность...*»), виртуальный спор с Блоком по поводу его персонажей Белый завершил. Он попросту отказал Блоку в праве голоса и утвердил свою когда-то рабочую гипотезу в качестве единственно возможной точки зрения на предмет. Благо, ко времени написания «Мастерства Гоголя» Блока более десяти лет не было на свете, да и А. А. Кублицкая-Пиоттук тоже уже умерла.

Размышления Белого о Прекрасной даме и ее производных в предпоследней главе «Воспоминаний о Блоке» несколько раз перемежаются возникающими будто бы вскользь «гоголевскими» аналогиями. Последняя из них завершает текст и появляется в связи с интерпретацией Белым факта гибели Блока. По мысли Белого, Блок не смог выдержать некоего мистического испытания (в антропософской терминологии — «преодолеть порог»). И хотя подобные «пороги» уже встречались прежде на пути Блока, они не были им осмыслены как следует, что и привело, в конце концов, к подлинной духовной трагедии.

Два прыжка — удались; два порога по-своему были осознаны <...> (не отчетливо, правда); и — вот: в неотчетливом преступлении порогов обычного состояния сознания заложены и причины тумана сознания перед третьим видением *порога*, к которому он подступил преждевременно, не проработавши до конца свою личную жизнь; он вперился глазами в ужасного Вия, как — Хома Брут: не опустил своих глаз; и Вий — увидал его: «Вот он». Толпы чудовищ обстали А. А. Он не справился с ними¹⁰.

Этот отрывок до странности напоминает то, что в свой еще до-антропософский период Андрей Белый писал о Гоголе (статья «Гоголь», *Весы*, 1909, № 4):

¹⁰ Там же. С. 406.

<...> Гоголю следовало бы понять <...>, что тому, в чем он, есть объяснения <...>; но у Гоголя не было терпения *изучать* <...>. <...> и свет для Гоголя померк¹¹.

В последней главе «Воспоминаний о Блоке», главе под названием «Двойники», количество «гоголевских» аллюзий стремительно растет. Тот ее фрагмент, где Андрей Белый говорит о проклятии рода в судьбе и творчестве Блока, обращаясь параллельно к образу колдуна из гоголевской «Страшной мести»¹², впоследствии с чуть смещенными акцентами лег в основу второй части главки «Гоголь и Блок» «Мастерства Гоголя»¹³.

В мемуарах о Блоке, касаясь причины его смерти, Белый лишь раскрывает «механику процесса», не настаивая на том, что роковой «порог» был для Блока в принципе непреодолим. Мало того, беседуя в августе 1921 г. с Надеждой Павлович, Белый смоделировал такой вариант развития событий, при котором смерти Блоку удалось бы избежать:

Если бы было у А. А. более конкретное прикосновение к логической ноте божественного, не случилось бы этого мрака: переход через порог совершился бы <...>. Он бы не умер...¹⁴

Главка же «Гоголь и Блок» «Мастерства Гоголя» заканчивается сентенцией:

Думается мне: проживи Блок дольше, он явил бы картину нового Гоголя, недоуменно вперенного в жизнь с недописанной фразой, обрывающей творчество: «темно представляет-ся...» (слова, на которых оборвалась рукопись «МД»)¹⁵.

¹¹ Андрей Белый. *Символизм как миропонимание* / Сост., вступит. ст. и прим. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 366–367.

¹² Андрей Белый. *О Блоке*. С. 415 и след.

¹³ Я намеренно не буду останавливаться здесь на истории формирования и бытования мифологемы «Гоголь-колдун» в литературе и литературоведении эпохи символизма. Ограничусь лишь ссылкой на обстоятельное исследование Л. А. Сугай на данную тему: Сугай Л. *Гоголь и символисты. Монография*. М., 1999 (глава I: «„Испепеленный“ или „Пламенеющий“?», подглавка «Мифопоэтика символистов и художественные приемы в критической прозе о Гоголе»).

¹⁴ Андрей Белый. *О Блоке*. С. 467.

Что в жизни Гоголя последовало за цитируемой Белым незавершенной фразой — слишком хорошо известно. Таким образом, формально оставляя в разговоре о Блоке и Гоголе «открытый финал», Белый фактически настаивает на том, что у Блока не было шансов *не повторить* трагедию Гоголя.

Отмечая схожесть смертей Блока и Гоголя, Белый, конечно, не был оригинален. Вспомним, хотя бы, Ремизова с его мемуарами «К звездам. Памяти А. А. Блока»¹⁶. Вопрос состоит в том, зачем Белому все это было нужно.

Известно, что на протяжении большей части своего творческого пути Андрей Белый сознательно стремился самоутвердиться в роли наследника Гоголя как в литературном, так и в поведенческо-бытовом плане¹⁷. Существовало, однако, одно очень большое «но», заминка, которая не могла не тревожить Белого. Я имею в виду факт трагической и загадочной смерти Гоголя. Рискну предположить, что следовать за Гоголем в этом «пункте» Белый совсем не хотел¹⁸.

¹⁵ Андрей Белый. *Мастерство Гоголя*. С. 297. Белый, как, впрочем, и обычно, допускает тут некоторую вольность, цитируя Гоголя. В оригинале последняя фраза гоголевской поэмы: «Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...» (Цит. по: Гоголь Н. В. *Собрание сочинений: В 7 т.* Т. 5. М., 1978. С. 481.

¹⁶ Ремизов А. К звездам. Памяти А. А. Блока // Ремизов А. *Взвихренная Русь*. М., 2002. С. 380.

¹⁷ См. об этом: Паперный В. М. *Андрей Белый и Гоголь. Статья первая // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. Тарту, 1982: Единство и изменчивость историко-литературного процесса. (Ученые Записки Тартуского Университета. Вып. 604); *Статья вторая // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. Тарту, 1983: Типология литературных взаимодействий. (Ученые Записки Тартуского Университета. Вып. 620); *Статья третья // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. Тарту, 1986: Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. (Ученые Записки Тартуского Университета. Вып. 683); Симачева И. Ю. *Гоголь и Андрей Белый // Русская речь*. 1989. № 2; Делекторская И. «Гоголевский сюжет» в *жизнетворчестве Андрея Белого (к проблеме реконструкции)* // *Toronto Slavic Quarterly*. № 31 (<http://www.utoronto.ca/tsq/31/delektorskaya31.shtml>).

¹⁸ О том, насколько важна была для Белого возможность существования Гоголя вне его трагедии, свидетельствует, например, отрывок из воспоминаний П. Н. Зайцева: «Я привез Борису Николаевичу книгу Честертона о Дик-

Не менее хорошо известно об отношении Андрея Белого к Александру Блоку как к «крестному брату», едва ли не «двойнику». «„Саша“ — часть меня самого», — записал он в дневнике 8 августа 1921 г.¹⁹

И вполне естественно, что два пожизненных «спутника» Белого не могли не пересекаться, не соединиться (иногда — весьма причудливым образом) на страницах его сочинений. Так, уже в начале «карьеры» Белого, в статье 1905 г. «Лут зеленый» гоголевская Пани Катерина у него дожидается мужа под аккомпанемент стихотворения Блока «Слышу колокол. В поле весна...» (1902)²⁰. Продолжались означенные «пересечения» и в дальнейшем.

8 августа 1931 г. (день в день через десять лет после цитированного мною в начале этой статьи разговора с Ивановым-Разумником) Андрей Белый заключает договор с Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ) на книгу о творчестве Гоголя²¹. Книга эта, оказавшаяся по иронии судьбы последней из сданных Белым при жизни в печать, была, кроме всего прочего, призвана стать финальной точкой в его «гоголевской истории». Не случайно, например, Георгий Адамович отмечал в рецензии на «Мастерство Гоголя»: «Трудно отделаться от мысли, что Белый готов был бы подставить себя на место Гоголя»²².

В таком контексте смерть «Саша Блока» оказалась Андрею Белому чрезвычайно наруку. Подтверждение тому находим

кенсе.

— Ведь это английский Гоголь, — заметил Белый, — только не несчастный, без надрыва, в противоположность нашему Гоголю.

Надо отметить, что Борис Николаевич очень любит Диккенса» (Зайцев П. Н. *Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи* / Сост. М. Л. Спивак; вступ. статья Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М., 2008. С. 152).

¹⁹ Андрей Белый. *О Блоке*. С. 448.

²⁰ См.: Андрей Белый. *Символизм как миропонимание*. С. 333.

²¹ См.: Андрей Белый: Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А. В. Лавров // *Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации*. М., 1988. С. 803.

²² Адамович Г. Андрей Белый и Гоголь // *Трудный путь: Зарубежная Россия и Гоголь* / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М., 2002. С. 80—81 (Первая публ.: Последние новости, Париж, 1934. № 4830, 14 июня).

в следующем за главкой о Гоголе и Блоке разделе «Мастерства Гоголя» под названием «Гоголь и Белый». Говоря о себе в третьем лице, Андрей Белый доказывает, что только он и он один является представителем в 20 столетии «гоголевской школы» в русской литературе²³. Что же касается вопроса о том, как быть со смертью Гоголя, то вопрос этот снимается сам собой, ибо весь «некрологический» негатив уже переложен Белым на плечи его «брата-близнеца» Александра Блока.

Очевидно, что на содержание «блоковской» главки «Мастерства Гоголя», не могло не повлиять издание в 1928 г. «Дневника Ал. Блока» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде), как повлияла эта книга на общий тон публичных высказываний о Блоке Андрея Белого²⁴. По словам П. Н. Зайцева, Белый был «очень раздражен <...> „Дневниками Блока“, выпущенными Любовью Дмитриевной и М. А. Бекетовой», считая, что «публикование дневников за эти именно годы (1911—1913 и 1917—1921 — *И. Д.*), без связи с остальными, было бестактным. Хотел даже написать нечто вроде декларации и в рукописи переслать несколько экземпляров в ГАХН, <...> в „Новый мир“ <...>, в „Красную новь“ и в другие журналы.

— Когда умер Блок, — раздраженно говорил Борис Николаевич, — я в „Воспоминаниях“ о нем, отмечая все личное, себя затемняя, отводя в тень, оставил только светлое. А уж если такие „дневники“ появляются, то позвольте и мне восстановить истину. <...> Теперь, — говорил он, — я написал бы свои воспоминания иначе, чтобы люди знали правду, освещенную со всех сторон»²⁵.

Реконструированный мною здесь «сюжет» в морально-этическом плане выглядит, к сожалению, не слишком красиво. Однако он вполне вписывается и в сложную, полную не только взлетов, но и срывов историю взаимоотношений Андрея Белого и Александра Блока («<...> пути наши с Блоком, — пи-

²³ Андрей Белый. *Мастерство Гоголя*. С. 309.

²⁴ См. об этом, например: Лавров А. В. «Романтика поминовения». *Андрей Белый о Блоке*. С. 21.

²⁵ Зайцев П. Н. *Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи*. С. 103.

сал Белый, — перекрещивались по-разному; <...> мы и боролись не раз, и обнимались не раз»²⁶), — и в общую канву непростого, изменчивого характера Белого. В любом случае это неоднозначное «слово» не должно быть выкинуто из «песни» литературной и бытовой истории Серебряного века.

²⁶ Андрей Белый. *О Блоке*. С. 44.